

НИК
ПЕРУМОВ

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

ЧЕРЕП НА РУКАВЕ

ЧЕРЕП В НЕБЕСАХ

НИК ПЕРУМОВ

ЧЕРЕП
НА РУКАВЕ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

В оформлении обложки использована работа
художника *А. Матвеева*

Разработка художественного оформления *В. Матвеевой*

Перумов, Ник.

П26 Череп на рукаве / Ник Перумов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-091701-3

Этот роман — фантастический боевик, написанный в лучших традициях жанра. Герой книги — Руслан Фатеев, уроженец планеты Новый Крым, идеальный солдат грядущей войны с Чужими, жуткими и загадочными монстрами, остановить которых не в силах никто и ничто. Но это будет потом, а пока форма имперского десантника, до боли напоминающая форму солдат вермахта времен Второй мировой, ложится на его плечи как клеймо предателя, покинувшего свой дом и вступившего в ряды оккупантов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091701-3

© Перумов Н., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

— Дерьмо ты, оказывается, — повторила Далька.

Я ничего не ответил. За дюнами солнце медленно опускалось к горизонту, море потемнело, вдали, за линией рифов, уже заблестели огоньки китовых вожаков. Сегодня их ночь, мерцанием они приманивают самок, зовут предаться любви...

— Меня аж передёргивает, как подумаю, что... что с тобой спала, — услышал я. Холоду в Далькином голосе хватило бы на плавучий рыбозавод средних размеров. — Жополиз имперский. Срань помоечная. Как тебя отец из дома-то не выгнал...

Отец-то как раз и выгнал, но Далька об этом пока ещё не знала.

Зашуршал песок, и я невольно напрягся — Далька отличалась темпераментом, чего доброго, пнёт в висок, с неё станется.

Взвизгнула яростно вздёрнутая «молния». Далька лихорадочно одевалась, бормоча вполголоса такие слова, что её мама, наша, между прочим, учительница русского и литературы, точно упала бы в обморок.

— Предатель, — припечатала она напоследок.

Я молчал. Не поворачивал головы, смотрел на море.

Далеко-далеко, на самом пределе доступного взору, громадный кит выметнул из воды стотридцатитонное тело, развернул светящиеся плавники, описал плавную

дугу, плюхнулся обратно, подняв облако пылающих искр. Красиво, чёрт побери. Когда ещё доведётся такое увидеть?

За спиной в отдалении взвыли турбины Далькиного вертолёта. Казалось, даже машина сыплет в мой адрес отборными ругательствами.

Пусть. Теперь уже всё равно ничего не изменишь. Бумаги поданы и подписаны, аванс получен. И даже одежда, небрежно брошенная рядом, прямо на песке, — не обычные разноцветные шорты с футболкой. Пятнистый комбинезон имперского десанта. С серебристым черепом на фоне чёрного щита, красующимся на левом рукаве.

Отступать некуда, позади Москва. Хотя, конечно, с потерей Москвы не потеряна Россия, как сказал когда-то светлейший князь Смоленский Михаил Илларионович Кутузов...

Киты в море резвились всё вольней, тёмные волны почти что пылали, освещённые их телами. Ночь любви...

Интересно, а на что рассчитывал я, когда звал Дальку на наш остров? Повалить девчонку на песке — так сказать, на прощание? Неужто я думал, что она меня поймёт? Что скажет — молодец, так и надо было?

Нет, конечно. Никогда бы Далька такого не сказала. Далька, давний член «интербригады «Бандера Росса». Ну да, той самой, знаменитой, чьей главой была небезызвестная террористка Дариана Дарк, которую когда-то ловили чуть ли не все имперские силы безопасности...

Так что мне совершенно нечего надеяться на Далькино прощение или хотя бы понимание. В её глазах — и не только в её — ныне, присно и во веки веков я — гнусный предатель, имперский... гм, блюдолиз. Конечно, отцу никто не дерзнёт бросить такого в лицо. Дуэли не миновать, а с отцом до сих пор на рапирах никто не сравнится. Ку-мушки, конечно, не упустят случая пошипеть, но...

Солнце коснулось моря нижним краем диска, алые сполохи ползли вдоль вовеки недоступной черты, за которой, как я верил мальчишкой, у Солнца есть настоящий дом и жена, ждущая его каждый день с многотрудной работы.

Однако пора. Далька улетела. Теперь тут только и осталось, что наблюдать издаലെка за китовыми любовными играми, коль скоро уж со своими ничего не получилось.

Пора, пора. Нечего расслаиваться. Мои пальцы скользнули к шее, к висевшей рядом с нательным крестом наглухо зашитой крошечной кожаной ладанке. В ней нащупался ключ. Это то, с чем я не расстанусь никогда и ни за что. Таких вещей у меня несколько. То, что связывает меня с настоящей жизнью.

Я встал, подобрал комбинезон и ботинки. Ничего не скажешь, ботинки отличные. Вроде как ничего не весят, а в драке зафигачишь — так мало не покажется. И не жмут нигде, и нога в них никогда не потеет, и не промокают они, и в огне не горят, и по любой кислоте идти в них можно. Славные ботинки. Немцы делают, на Новой Баварии, а уж в чём в чём, а в солдатской снаряге швабы толк знают.

Мой вертолёт стоял, странно окривев и завалившись на левый бок. Я взгляделся и присвистнул. Шина прорезана — не иначе Далька постаралась. На прощание, так сказать. Ну ничего, шина — не главная турбина, дотянем и сядем...

Завтра, с зарёй, мне полагалось быть на сборном пункте. Машину оставляю в столице, кто-нибудь, отец или братья, пригонит её обратно. Мне вертолёт больше не понадобится. Как и ничто другое с гражданки. Пройдёт совсем немного времени, и эта жизнь покажется мне раем. На меня станет орать идиот фельдфебель, заставляя драть нужники зубной щёткой, или обрабатывать ружейные приёмы в три часа ночи, или полировать парадные сапоги до абсолютного блеска, проверяя люцинометром их отражающую способность; болван лейтенант, желая выслужиться, на маневрах погонит нас в полное змей и прочих гадов болото, да притом ещё подставит под огонь собственной артиллерии (как всем известно, на учениях в Империи используют настоящие снаряды и патроны — кому не повезло, тому не повезло. Родные получают компенсацию). Я буду задыхаться в дурно пригнанном противогазе, блевать от тряски в железном брюхе десантного транспорта, высаживаться в охваченных мятежом городах, чтобы пройти их из конца в конец, оставляя за собой только трупы и пожары — для вящей остротки.

Я буду носить на рукаве эмблему Третьей Десантной дивизии «Totenkopf», «Мёртвая голова». Когда-то давно

она именовалась 3-й танковой дивизией СС и стала недобро знаменитой именно под этой самой эмблемой: серебряный череп на чёрном геральдическом щите. И ещё — «Gott mit uns» на бляхе парадного ремня.

«Мёртвая голова» печально прославилась не только на полях сражений. Её создали в октябре 1939 года из четырёх существовавших охранных полков, что «действовали» в местах, названия которых не требовали и никогда не потребуют ни переводов, ни пояснений: полк «Oberbayern» — Дахау, «Brandenburg» — Бухенвальд, «Thuringen» — Сашенхаузен, «Ostmark» — Матхаузен, к которым прибавился пятый полк: «Dietrich Eckhardt». Дивизию возглавил Теодор Эйке, инспектор концентрационных лагерей и охранных частей СС. Формировали её в Дахау, предварительно «очищенном» от заключённых. Боевое крещение она приняла во Франции: 16 мая 1940 года дивизию перебросили из армейского резерва для поддержки 15-го танкового корпуса генерала Гота. 21 мая под Камбрэ «Мёртвая голова» едва не стала мёртвой на самом деле — фланги «Totenkopf» и 7-й танковой дивизии оказались смяты ста тридцатью контратакующими английскими и французскими танками. Прежде чем тяжёлая артиллерия и пикирующие бомбардировщики отразили этот отчаянный натиск, многие солдаты «Мёртвой головы» бежали в панике.

...Потом они отыграются на пленных. На солдатах Королевского Норфолкского полка, захваченных после ожесточённого боя. Потеряв в том столкновении семнадцать человек убитыми, эсэсовцы осатанели. Около ста англичан, попавших в плен, были расстреляны из пулемётов по команде оберштурмфюрера СС Фрица Кнохлейна, за что тот и был в своё время повешен англичанами уже после войны.

А потом...

Потом они маршировали по Прибалтике. Я никогда не бывал на Земле, но историю тех дней проштудировал вплоть до номеров полков. 2 июля в Латвии передовой батальон «Мёртвой головы» столкнулся с частями русской 42-й стрелковой дивизии. Потеряв 10 человек убитыми и больше 100 ранеными, «мёртвоглавцы» отсту-

пили. И потом они сражались без всякой славы. Зимой 1942 года «Мёртвая голова» вместе с ещё пятью дивизиями попала в окружение под городом, название звучит для меня почти как музыка: Демянск. Из потерянных за время «похода на восток» двенадцати с половиной тысяч человек половина полегла под Демянском.

Потом, потом, потом... будет Курск, будет ещё много всего, будет Будапешт, будет Вена, где «Totenkopf» и закончит свой бесславный путь.

...Много, много позже, когда забубённые эти имена вновь замелькают в официальных документах, Новая Империя предпримет попытку отмыть чёрного кобеля. Будет отброшено многое. Например, две зловещие руны SS в названии. Принятые в СС знаменитые обер-, штурмбанн- и прочие «фюреры». Их заменили обычные армейские звания.

Я выучил это и ещё многое другое наизусть. Империя, Кайзеррейх, пока ещё не успела особенно основательно почистить частные книжные собрания. А мои отец, дед и прадед — все собирали исторические труды. Во всех доступных им формах.

Я выучил это потому, что в дивизии, созданной изначально из лагерных вертухаев, нам, само собой, будут талдычить совсем другое.

И всё-таки я иду туда...

Так надо. На этих «мёртвых головах», «лейбштандартах», «викинггах», «дас райхах» и прочей нечисти стоит Империя, которой я отныне служу. А Далька... что ж Далька. Каждый выбирает, всякий день, всякий миг. Она тоже выбрала.

Её интербригады — это, конечно, романтично и здорово, и красная лента вокруг головы очень шла Дальке, но я не сомневался — стоит интербригадовцам учинить что-нибудь этакое, их повяжут сразу и не посмотрят, что организация «Памяти интернациональных бригад» легальна, разрешена, действует с ведома властей как планеты, так и имперской администрации, выпускает две газеты — по старой традиции бумажную, мемориальную, и основную, сетевую.

Да, многими интербригадами — как, например, Далькиной Шестой — руководили люди, которых трудно было

заподозрить в симпатиях к Империи. Взять ту же Дариану Дарк. Родом со всё ещё «независимой» планеты, где обосновались «новые пуритане». В своё время повоевала с имперцами на Каледонии, принимала участие в Босвортском и Жлобинском мятежах, но потом «отошла от активного вооружённого противодействия», подписала «личный мир» с Империей и занялась «моральной борьбой». В частности, возглавляла эту самую Шестую интербригаду, штаб-квартира — на Иволге, главной планете нашего Восьмого сектора.

Далька долго пыталась зазвать меня на их сходки. Я под всякими благовидными предложениями уклонялся, пока Далька не начала злиться. Но мне там показываться было никак нельзя. С такой анкетой не то что в десант, в стройбат имперский не попадёшь.

Двигатели я запускал с некоей опаской. Если разгневанная Далька успела походя шину пропороть, так могла и булыжник в турбозаборник метнуть.

Тем не менее всё прошло благополучно. Я поднял машину в воздух, сделал прощальный круг над островком, над лагуной, над резвящейся и выпускающей разноцветные светящиеся фонтаны китовой вольницей и взял курс на Новый Севастополь.

* * *

В город я прилетел, когда уже совсем стемнело. Вода в Северной бухте мягко светилась голубоватым, верный признак, что в гавань опять зашёл косяк радужной морской форели. С земным прародителем у неё общим осталось разве что только название. Мигали огоньки на мачтах, алые, золотистые, изумрудные, плясали ослепительные миражи над весёлым кварталом, солидно и ровно горели вывески больших универсальных магазинов. Чуть восточнее, в районе батареи номер тридцать, которую имперцы отчего-то называли «форт Максим Горький» (и чего они в нём нашли? тоска смертная, я его читать даже под угрозой «пары» не мог), всюду полыхал фейерверк — наверное, у кого-то свадьба или день рождения. Я подумал, что в своё время мечтал устроить такой вот фейерверк для Дальки... и сцепил зубы. Ни к чему сейчас вспоминать всё это.

В вертолёте я переоделся. Замасленный комбинезон, старые сандалии — разгуливать в имперском камуфляже по ночному Севастополю небезопасно, несмотря на все усилия коменданта и патрулей.

Машину я посадил на общественной площадке. Отец держал для нас ангар, но сейчас я и помыслить не мог посмотреть в глаза техников. Дражен не то что руки не подаст, а точно попытается голову оторвать. Сергей, Зденек, Мирчо — туда же. Лучше там даже и не возникать.

Вертолёт застыл, накренившись. Придётся всю колёсную пару менять. Барабан я точно изуродовал.

Пожилой механик с тремя золотыми шеvronами — тридцать лет беспорочной службы — угрюмо принял от меня ключи, дал расписаться в ведомости. На меня он почему-то старался не смотреть. Неужели тоже знает?..

Торопливо расплатившись, я поспешил убраться во свояси.

У меня оставалась одна ночь. Последняя ночь свободы. Можно было направиться в весёлый квартал, отвести душу в виртуалке, или же, махнув рукой на порядочность, по обычаю всех уходящих на войну (а какая-нибудь война у нас всегда сыщется) забыться в оплаченных женских объятиях.

Размышляя так, я добрёл до стоянки такси. Бежевых машин с шашечками — в силу давней-предавней традиции — было мало, народ на Новом Крыму в большинстве своём добропорядочный и основательный, спешки с суетой не любящий и вовсе не расположенный куда-то там тащиться на ночь глядя. Чтобы дела делать, как известно, день есть.

— Куда поедем, приятель? — окликнул меня шофёр.

Я помотал головой и ускорил шаги. Мне некуда ехать в этом городе. Ни в пивные, ни в бары, ни в бордели, ни в виртуалку. И потому я сейчас, таща за собой тюк с имперской формой, быстро, не теряя ни минуты, скорым спортивным шагом двинусь на вербовочный пункт. Ни к чему эти последние часы свободы. Не «они» говорят мне, когда прийти. Я сам выбираю своё время.

...От аэроплощадок до сборного пункта было почти три часа ходьбы, но я даже не заметил расстояния. Признаться, я тогда вообще мало что замечал вокруг себя. Видел только лица. Мама, отец, дед, бабушка... Далька... братья, сёстры... Я был старшим, неделимый майорат перешёл бы после отца ко мне — теперь им распоряжаться станет Георгий, второй по старшинству после меня. Наверное, это правильно. Брат всегда любил заниматься «делами», то есть хозяйством на морских плантациях и рыбозаводах. Нетто- и брутто-тонны для него звучали как музыка, а повышение на один процент выживаемости молоди деликатесных донных ползунов приводило в прямо-таки оргиастический восторг. Так что отец, конечно, был прав. Семье так будет лучше. Намного лучше.

...Я вспоминал. Наверное, это неизбежно — вспоминать, когда твоя жизнь меняется резко и, пожалуй, необратимо.

Семья собралась вся — включая самых младших. Едва войдя, я столкнулся взглядами с младшей сестрёнкой, Танюшкой, чудным голубоглазым и блондинистым созданием одиннадцати лет от роду. Глаза смотрели недоумённо и испуганно. Она не понимала, что тут творится, почему её оторвали от игр с подружками и заставили сидеть на странном, внезапно случившемся семейном обеде, который не обещал ничего весёлого.

Отец сидел во главе стола. Раздражённо крутил в руках вилку, не глядя на меня. На другом конце застыла мама — словно статуэтка из слоновой кости. Со спины маму до сих пор принимали за девушку — несмотря на то, что у меня насчитывалось в общей сложности девять братьев и сестёр. Я был десятым или, точнее говоря, первым. Поскольку был старшим.

Георгий, второй брат. Всегда был правой рукой отца в «делах». Смотрит вниз, на меня глаза не поднимает.

Лена, третья сестра. Тоже правая рука, но на сей раз — мамина. Вечно возилась с малышами, и её никогда не требовалось ни заставлять, ни понукать — живых детишек она предпочитала куклам. Губы у неё подрагивают, вот-вот заплачет.

Света. Посверкивают старомодные круглые очки в архаичной металлической оправе. Пальцы судорожно мнут кружевные манжеты чёрного строгого платья — сестру явно выдернули с какого-то собрания.

Ларион. Ну, он ещё мальчишка. Хотя взгляд уже как у настоящего волчонка.

Остальные — мелкота. Александр, Людмила, Виктор и младшая Танюшка. Они ещё школьники.

Я вошёл последним. Полученная утром записка гласила, что семья собирается в пять, и я не опоздал — но, похоже, остальные успели раньше. Может, их и созывали пораньше?..

Никто не взглянул на меня. Даже отец.

Он заговорил, по-прежнему упорно не отрывая глаз от скатерти, словно надеялся разглядеть там невесть что.

— Я взял на себя труд проинформировать остальных о твоём решении.

Я попытался как можно более независимо пожать плечами.

— Может, с этим стоило бы подождать, отец?

Я хотел, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно, но, увы, не получилось. С моим отцом, когда он в гневе, так запросто не поговоришь.

— Нет, — на сей раз отец поднял глаза. Глаза у него казались белыми от бешенства. — Нечего ждать и тянуть. Ты опозорил всю семью. Всех нас. Говорю это не для тебя — тебе уже ничего не поможет и тебя ничем не исправишь. Говорю для остальных, надеясь, что смогу прибавить им хоть немного ума и понимания.

— Что это за спектакль, отец? — Я слегка возвысил голос. — Даже если тебе не нравится моё решение...

— Твоё решение?! — взревел он. — Предательство — это твоё решение?! Идти на службу к этим... этим... — Отец потряс кулаком, не находя, наверное, слов.

— Мы граждане Империи, отец. Новый Крым подписал договор. Ты забыл, что там и твоя подпись?..

— Неужели ты думаешь, что мы хоть на минуту смирится?! Если бы мы тогда его не подписали, на месте Севастополя осталась бы радиоактивная пустыня. И ни тебя, ни твоих братьев и сестёр — никого не осталось бы в живых!

Я не нашёл ничего лучшего, как пожать плечами. Поймал краем глаза взгляд Танюшки — голубые глаза стали похожи на озёра от застывших в них слёз.

Мама сидела, по-прежнему не шевелясь. И молча смотрела перед собой на сверкающе-пустую тарелку. Сегодня в ход пошёл «торжественный» сервиз, который у нас доставали только в особенных случаях: дни рождения, Рождество и так далее...

Сегодня, значит, тоже «особый случай».

Отец перевёл дыхание. Схватил графин с водой, налил в хрустальный бокал, шумно выпил. Впечатал бокал в стол, вновь поднял на меня глаза, и я вновь не выдержал его взгляда.

— Мы решили, — на скулах отца заиграли желваки. В свои сорок пять (я появился у них рано, когда маме было всего восемнадцать, а отцу — на два года больше) он выглядел очень внушительно. Никогда не занимался накачиванием мускулов, а завяжет узлом любого культу-ро-каратиста.

— Мы решили, что тебе здесь больше места нет.

Мама вздрогнула, Света стащила с носа очки, яростно принявшись протирать и без того идеально чистые стёкла. Пальцы её дрожали.

Я вновь пожал плечами.

— Ты ничего не докажешь, отец...

— Тебе здесь больше места нет, — отчётливо повторил он. — И ты больше не первый наследник. Подпишешь добровольный отказ от наследства и передачу своей доли семейных акций Георгию.

— Не имеешь права!

— Очень даже имею. По закону о неделимости майората, — злорадно сообщил он мне.

— Юра... — страдальчески прошептала мама, обращаясь к отцу.

— Что «Юра»?! Он нас предал! Предал и продал! Пусть управляет Георгий. У него и способностей к этому куда больше.

— Я могу сказать? — вдруг зазвенел голос Лены. — Или тут говорят только трое?

Отец метнул на мою сестру недовольный взгляд.